

Динь-дон...

Несколько фальшивый звон колокольчика прозвучал в классе.

— О, время идти. Ладно, увидимся в следующий раз. Если будут вопросы, отправьте мне письмо по электронной почте до конца недели.

Лектор закончил речь и поспешил уйти, не прощаясь.

Класс был заполнен наполовину, и студенты упаковывали свои сумки и с шумом покидали места.

Масамити Адачи был одним из них. Он наконец закончил переписывать в свой блокнот на кольцах всё, что учитель написал на белой доске, оглядел теперь уже пустой класс и вздохнул.

Все пишут так быстро. Я снова остался последним.

Прошло два месяца с тех пор, как он провалил вступительные экзамены в колледж.

Для остального мира наступил май. Японские праздники Золотой недели пришли и прошли, и наступило то время года, когда все начинали чувствовать себя несколько уныло.

Масамити сидел в известной подготовительной школе у вокзала, ближайшего к месту его жительства.

После поступления в школу весной и прохождения вступительного теста его определили в стандартный подготовительный класс.

Он не стремился в топовый университет, так что этот уровень был для Масамити подходящим. Кроме того, здесь даже предлагались специальные занятия для студентов, которые провалили вступительные экзамены и пытались поступить во второй или третий раз. Это было для него благословением, поскольку он начал здесь учиться после получения второго отказа от колледжа, в который хотел поступить.

Студенты встречались с учителями ежемесячно, чтобы обсудить изменения в курсах и пересмотреть учебные цели. В просторной комнате для занятий имелось множество справочников и сборников задач, так что поддержка была обильной.

— Ладно, тогда - я пошёл. Ой!

Он выпустил из рук ручку, которую убирал в пенал; она улетела, и он поймал её в самый последний момент.

— Фух, это было близко. Я ещё не совсем привык.

На этот раз он положил ручку в пенал, засунул его в сумку через плечо и пристально уставился на свою правую руку.

Никто не воспринял бы его всерьёз, если бы он сказал, что пальцы на его руке имели немного другую форму два месяца назад.

И это было не всё. Он сомневался, что кто-то поверит в различные вещи, произошедшие с ним за эти два месяца. Решили бы, что у него нервный срыв после двух провальных попыток сдать вступительные экзамены.

Поэтому Масамити ни с кем не делился своими недавними переживаниями.

Не то чтобы у него был кто-то, кому можно довериться.

Где бы он ни был, никто не обращал на него внимания, потому что его застенчивость и отсутствие харизмы заставляли его растворяться на заднем плане. У Масамити не было ни одного близкого друга с детского сада.

Обычно он здоровался с одноклассниками в подготовительной школе, и они немного говорили об учёбе, но разговор обычно на этом и заканчивался.

Но сейчас Масамити не чувствовал себя одиноким.

Кроме учёбы, у него были другие дела, и у него был сосед по комнате.

Да, сосед по комнате... хотя он и не человек.

Масамити перекинул сумку через плечо и поднялся на ноги.

Он вышел на улицу и почувствовал тёплые солнечные лучи, напомнившие ему, что лето почти наступило. Было три тридцать, но в длинном рукаве, казалось, было жарковато.

Несколько прохожих у вокзала были в футболках, и Масамити закатал рукава до локтей и направился домой.

По пути он купил немного сладостей в магазине традиционных японских сладостей, где стал завсегдатаем, и направился в тихий старый жилой район.

В городе сочетались старые и новые дома, от классических особняков, окружённых великолепными стенами, до совершенно новых малоэтажных кондоминиумов, сохраняя баланс между спокойствием и оживлённостью.

Масамити жил в двухэтажном доме в углу города.

Это был небольшой дом с черепичной крышей - словно застывший во времени со времён эпохи Сёва.

И всё же было ясно, что это не просто чей-то дом.

Скромный эркер обрамлял деревянную входную дверь, и на нависающей платформе, выходящей на улицу, всегда что-нибудь выставлялось.

Неделю назад там разместили декоративную тарелку с рисунком ириса на мосту, что глубоко привлекало прохожих.

Рядом с дверью висела деревянная вывеска с выгравированным названием магазина - «Богюдо». Даже трещины на её деревянной поверхности, появившиеся от времени, выглядели со вкусом.

Какое поразительно элегантное название, сколько бы раз я его ни видел, подумал Масамити. Предыдущий владелец магазина назвал его так в надежде «беседовать с посетителями, как со старыми друзьями, и забывать о течении времени», верно? Должно быть, он был настоящим ценителем антиквариата и любил общаться с людьми, размышлял Масамити, открывая тяжёлую дверь.

Прикреплённые к верхней части двери ножницы Намбу издали лязгающий звук.

— Я дома, — крикнул он, заходя внутрь.

Освещение на первом этаже было тусклым даже днём. Там был кирпичный пол, на котором выставлялись антиквариат и старые инструменты.

Можно назвать это витриной, но на самом деле это была впечатляющая куча всевозможных предметов - старых и новых, больших и маленьких, от антиквариата до старых инструментов, - которые были навалены почти до потолка в хаотичной груде.

Было трудно просто войти внутрь, потому что едва можно было разглядеть, что там внутри. Этот причудливый и несколько тревожный вид, должно быть, и был причиной того, что многие смельчаки, осмелившиеся войти, немедленно разворачивались и уходили.

В центре был проход, через который мог пройти один человек, но любой, ступивший туда, чувствовал бы беспокойство, задаваясь вопросом, не рухнет ли и не упадут ли товары по обе стороны.

Даже Масамити, который привык к этому месту, всё ещё чувствовал себя каждый раз, когда проходил через него, как Моисей, раздвигающий Красное море.

Когда Масамити начал здесь жить, все предметы были покрыты пылью. Он не переносил домашнюю пыль, поэтому постоянно кашлял и шмыгал носом. Однако после двух месяцев регулярной уборки он, к счастью, почти избавился от симптомов.

Сегодня клиентов нет.

Снова позвав Сино, чтобы объявить о своём возвращении, Масамити направился к концу прохода.

Первый этаж дома был несколько эксцентричным - пол в задней части магазина был приподнят и отделён от земляного пола изящной бамбуковой ширмой.

Как граница между мирами, ширма и разные уровни пола отделяли магазин от жилой зоны.

Человек сидел в классическом деревянном кресле, что-то делая за столом, спиной к входу.

Это был Сино Тацуми, человек, который спас жизнь Масамити и теперь оплачивал его обучение в подготовительной школе, еду, одежду и жильё. Но это было не всё. Сино был господином Масамити.

Если быть точным, он не был человеком.

Хотя в данный момент он сидел за столом и была видна только верхняя половина его тела, не было сомнений, что это было зрелище, от которого захватывало дух. Очертания хорошо сложенных мышц просматривались под простой водолазкой, которую он носил.

И кто бы не ахнул при виде его лица, склонённого потому, что он сосредоточен на предметах на своём столе?

Резкие, без намёка на обвислость контуры; белоснежная кожа без единого изъяна; нос с высокой переносицей; тонкие, плотно сжатые губы; несколько саркастически изогнутые брови; и острые, яркие глаза, напоминавшие Масамити катану.

Его каштановые волосы обрамляли чётко очерченное лицо мягкой волной, делая его ещё более похожим на статую.

Он был воплощением красоты. Даже его пальцы были изящными, как у профессиональной модели рук.

На вид ему было под тридцать, но аура была зрелой и сдержанной.

В третий раз Масамити позвал, что он дома, и встал напротив стола Сино.

Все товары вокруг него заслоняли обзор Масамити, но он подошёл впереди Сино и увидел, что у того открыт большой каталог.

В сумерках в магазине всегда было темно из-за груды предметов повсюду, и всё же Сино не включил настольную лампу.

Он игнорировал повторные приветствия Масамити. Он даже не поднял брови, когда Масамити встал прямо перед ним.

Не то чтобы Масамити это волновало.

Ничего не поделаешь, подумал он. У призраков нет привычки приветствовать людей.

Размышляя об этом, он отодвинул на задний план дискомфорт и лёгкое чувство одиночества.

Сино был призраком - возрастом более тысячи лет.

Согласно его рассказу, он был бесстрашным призраком, который нападал и пожирал людей в период Хэйан с 794 по 1185 год.

Токифую Тацуми, спиритуалист, который стратегически захватил его, дал ему имя Сино и сделал своим слугой. Масамити задавался вопросом о техниках, которые использовал Токифую, чтобы лишить Сино его силы, создать сосуд и запереть душу Сино внутри.

Физическое присутствие, которое Масамити теперь видел перед собой, было сосудом, созданным Токифую более тысячи лет назад. Хотя у Сино не было температуры тела, в нём не было ничего неестественного, кроме невероятной красоты. Он был поистине божественным произведением искусства.

Масамити не знал подробностей, поскольку Сино рассказал ему только сжатую историю своей жизни, но перед смертью Токифую спиритуалист запечатал Сино в кувшин и закопал его под землёй.

Медленно слабея и терпя одиночество, Сино сумел пережить более чем тысячелетнее заточение, и благодаря разрушению кувшина на строительной площадке он снова стал свободен.

Тем не менее, проклятие Токифую оставалось в силе, поэтому Сино по-прежнему был связан правилом, запрещающим ему нападать и поедать живых людей.

Это правило и свело вместе меня и Сино.

Разговаривая с ним, Масамити отметил изящную завихрение в его волосах, и его мысли перенеслись к тому, как Сино взял магазин у предыдущего владельца и его жены - с которыми

он встретился случайно - и изо всех сил старался быть молодым владельцем, по крайней мере, внешне.

— У нас сегодня был развивающий урок для неудачников в подготовительной школе. Мне было трудно понять кое-что, но когда учитель объяснил, всё стало ясно как день. Удивительно, на что способны подготовительные школы.

Масамити не ожидал ответа, но Сино наконец поднял взгляд от каталога и уставился в его лицо.

Он выглядел недовольным, но не злым. Это было его обычное выражение лица.

— Можно и восхищаться, но остерегайся вещей, которые легко понять.

— А?!

Игнорируя реакцию Масамити, Сино встал и направился в комнату с татами в глубине. Масамити последовал за ним, поднявшись по скромной лестнице рядом со столом, стараясь не уронить кулёк со сладостями, который он купил.

За занавеской была чайная комната. Кухня находилась по другую сторону низкого шкафа, а за ним у Сино была своя комната.

Сино сел, скрестив ноги, на толстую подушку лицом к низкому столу в чайной комнате.

Прожив вместе два месяца, Масамити теперь понимал, что таким образом Сино давал понять, что хочет чашку чая.

— Эм, для полдника уже немного поздно, но я купил вкусно выглядящие сладости в том магазине, в который всегда хожу. Я приготовлю чай. Обычный зелёный чай подойдёт?

Сино ответил едва слышным ворчанием, и Масамити улыбнулся.

У Сино была привычка внезапно замолкать, когда терял интерес. Мало того, он имел тенденцию переставать отвечать словами. Сначала это пугало Масамити, но он привык.

То, как он просто прорычал, означает «ладно».

Масамити наполнил тяжёлый чугунный чайник водой, нагрел его, достал чайные принадлежности и осторожно переложил сладости из картонной коробки на маленькие тарелочки, чтобы они не помялись.

Сино настаивал на том, чтобы самому готовить еду, так что Масамити пользовался кухней только для приготовления чая и мытья посуды. Тем не менее, он значительно улучшил свои навыки. Примерно через десять минут чай был готов, и он отнёс поднос в чайную комнату.

— Вот. Какую сладость вы хотите? Я купил одну из белой бобовой пасты, а другая - из пюре сладкого картофеля с кусочками каштана. — Масамити сел на подушку напротив Сино и поставил две тарелки в центр стола. — Каштановая называется «цудзи» - азалия. Розовая часть сверху на пушистой пасте и правда похожа на азалию, растущую в живой изгороди. Я был впечатлён тем, как красиво они её сделали. Другая - «отосибуми», которую продавец назвал чем-то вроде долгоносика-листоеда. Это чёрная бобовая паста, завернутая в тесто из белой бобовой пасты в форме листа... Ну, выглядит как шарик, но, полагаю, это представляет собой

свёрнутый лист.

На мягком тесте из бобовой пасты Масамити указал на маленькую сферу из белой бобовой пасты.

Сино взглянул на неё и просто сказал:

— Долгоносик-листоед - это насекомое.

— Да?

Игнорируя удивлённое выражение на лице Масамити, Сино продолжил тоном, говорившим, что это общеизвестно.

— Долгоносик-листоед выбирает мягкие листья, сворачивает их в цилиндр и откладывает яйца. Этот шарик представляет отложенное им яйцо.

— О-о... яйцо насекомого. Хм.

— Следовательно, термин «отосибуми» - это сезонное выражение, отсылающее к началу лета, когда насекомое откладывает яйца. «Отосибуми», или «обронённое письмо», от которого насекомое получило своё название, изначально относилось к письмам, которые люди писали, не предназначая их для чужих глаз, в частности, к любовным письмам, которые роняли прямо рядом с возлюбленным, чтобы тот поднял.

Впечатлённый, Масамити захлопал в ладоши.

— Понял! Листья, которые насекомые сворачивают, похожи на письмо, которое люди сворачивают в руках. Понятно. Боже, Сино, вы всё знаете.

— Ты знаешь слишком мало, — с досадой сказал Сино и взглянул на две сладости. — Не знаю, то ли кондитер создаёт сладости со вкусом, то ли ты просто сделал хороший выбор, но ни та, ни другая не плохи. Бери ту, что предпочитаешь.

— Правда? Ладно, тогда... я возьму азалию, а не яйцо насекомого, — честно сказал Масамити, без колебаний взяв сладость с азалией.

У Сино был вспыльчивый характер, и его раздражало, когда Масамити говорил что-то вроде «После вас, господин», что было так типично для человека.

— Ты странный, — сказал он. — Яйца насекомых вкусны. Они же источник жизни. Они могут быть маленькими, но дают силу тем, кто их ест, — деловито сказал он, пододвигая к себе другую тарелку.

Значит, он, должно быть, ел яйца насекомых, когда мог свободно бродить как призрак. В такие моменты доходит, что Сино - призрак.

Нарезая тонкие ломтики искусно сделанной сладости и поднося их ко рту, Масамити взглянул на Сино, который взял свою рукой и затем стал жадно её жевать.

Было ли это из-за его красоты, что даже грубый жест казался элегантным?

Если подумать, он выглядел странно изящно, когда грыз мою правую ногу.

Масамити вспомнил их первую встречу, потерял аппетит и положил остаток своего лакомства обратно на тарелку.

Два месяца назад Масамити попал в аварию с наездом и скрыванием с места происшествия.

Его сильно ударили, и его правая нога была даже оторвана. Пока он лежал на земле в ожидании смерти, Сино появился из ниоткуда, соблазненный запахом крови.

Хотя Токифую Тацуми запретил Сино нападать и поедать живого человека, ему не было запрещено есть ногу, которая просто так оказалась отделена от тела живого человека.

Сино не обратил внимания на предсмертное состояние Масамити, с удовольствием хлебнул кровь юноши, с большим удовольствием пожрал его плоть и страстно выразил, как ему нравится вкус его крови.

Затем он посмотрел на Масамити своим залитым кровью лицом и сделал ему предложение: стань его слугой, если хочешь жить.

Масамити согласился быть слугой призрака; затем всё потемнело. К тому времени, когда он пришёл в себя, его избитое тело было в основном восстановлено, как сказал Сино, и он лежал на кровати на втором этаже магазина.

С тех пор Масамити действовал как слуга Сино, хотя ему разрешили продолжать готовиться к вступительным экзаменам в колледж, выполняя небольшие поручения для своего господина.

<http://bllate.org/book/13974/1272937>